

Становление белорусского университета как национально-государственный проект

О.А. Яновский

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

Белорусская история соткана из множества событий и процессов, которые не поддаются однозначным оценкам. В первую очередь это относится к их политической составляющей, когда белорусские земли и население на протяжении более тысячи лет принадлежали государствам, не имевшим в названиях ничего общего с белорусским этносом. Однако именно он был важнейшей составной частью и Древней Руси, и Великого княжества Литовского, и Речи Посполитой, и Российской империи. Становится понятным, что в образовательной, научной среде и в целом в интеллектуальной сфере предки белорусов были словно затеряны, что сегодня заставляет доказывать свои приоритеты перед соседями с Запада и Востока. Только в революционных потрясениях начала XX века стала формироваться по-настоящему белорусская государственность. И важнейшим фактором ее утверждения стал первый для белорусов университет – Белорусский государственный университет. Рассмотрению его становления в условиях 1917–1921 годов, превращению изначальной идеи в полноценно действующий учебно-научный организм и посвящена статья. На основе архивного материала и малоизвестных фактов сделана попытка показать, что университет, будучи государственным проектом, способствовал укреплению белорусского государства, а его деятельность в полной мере испытывала на себе все политические, национальные запросы и установки. В подтверждение приведены примеры строгого следования коллективом БГУ всем государственным установкам, которые в первую очередь нацеливали на постоянное совершенствование учебного процесса, на подготовку специалистов для важнейших сфер народного хозяйства республики. Университет укреплял свой кадровый потенциал, уделяя особое внимание развитию фундаментальной и прикладной науки (не только физики, математики, химии, биологии, но и философии, истории, филологии). Его ученые и студенты в 1920-е годы были востребованы как проводники государственных планов среди населения города и деревни. Особое место в деятельности университета заняла политика белорусизации, которая дала как очевидный положитель-

ный эффект, так и привела к негативным последствиям. В итоге автор делает вывод, что в двух ключевых словах названия университета изначально были заложены идеи его национально-этнической и государственной принадлежности и миссии, чему БГУ неукоснительно следует и в настоящее время.

Ключевые слова: социальная философия, идея и миссия университета, белорусская государственность, структура университета, научная жизнь, профессорские кадры, белорусизация.

Яновский Олег Антонович – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Белорусского государственного университета.

helgoleg@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4238-0828>

Для цитирования: Яновский О.А. Становление белорусского университета как национально-государственный проект // Философские науки. 2021. Т. 64. № 5. С. 13–30.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-13-30

Formation of the Belarusian University as a National and State Project

O.A. Yanovsky

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Abstract

Belarusian history is woven of a multitude of events and processes that defy unambiguous assessment. First of all, this refers to their political component: the Belarusian lands and population for more than a thousand years belonged to states that had nothing in common with the Belarusian ethnos in their names. However, it was this ethnic community that was a most important component of Ancient Rus, the Grand Duchy of Lithuania, the Polish-Lithuanian Commonwealth, and the Russian Empire. It becomes clear that in the educational and scientific environment, as well as in the general intellectual sphere, the ancestors of Belarusians were somewhat outshadowed, which today motivates them to prove their priorities to their neighbors in the West and the East. It was only in the revolutionary upheavals of early 20th century that the Belarusian statehood began to form. And the most important factor in its approval was the first university – the Belarusian State University. The article is devoted to the consideration of its formation in the conditions of 1917–1921, the transformation of the original idea into a fully functioning educational and scientific organism. On the

basis of archival material and little-known facts, an attempt is made to show that the university, as a state project, contributed to the strengthening of the Belarusian state, and its activities fully experienced all political and national demands and outlooks. In support of this, the article quotes examples of strict adherence of the BSU staff to all state guidelines, which primarily aimed at the continuous improvement of the educational process, at the training of professionals for the most important spheres of the national economy of the republic. The university strengthened its human potential, paying special attention to the development of fundamental and applied science (not only physics, mathematics, chemistry, and biology but also philosophy, history, and philology). In the 1920s, its scientists and students were in demand as disseminators of state plans among urban and rural population. A special place in the activities of the university was the policy of Belarusianization, which gave both an obvious positive effect and led to negative consequences. The author concludes that the two key words of the name of the university (“Belarusian” and “state”) reflect the ideas of its national, ethnic, and state mission and principles, which BSU strictly follows at the present time.

Keywords: social philosophy, idea and mission of the university, Belarusian statehood, university structure, scientific life, professors, Belarusianization.

Oleg A. Yanovsky – Ph.D. in History, Professor, Head of the Department of Russian History, Faculty of History, Belarusian State University.

helgoleg@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4238-0828>

For citation: Yanovsky O.A. (2021) Formation of the Belarusian University as a National and State Project. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 13–30.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-13-30

Введение

2021 год в Республике Беларусь знаменателен как для общества, так и для государства. Сто лет назад на белорусской земле, после многих веков наконец-то очерченной границами собственного государства, начал свою деятельность Белорусский государственный университет. Он стал первым высшим учебным заведением, положив начало созданию системы белорусской советской высшей школы.

Столетний юбилей БГУ отмечает 30 октября 2021 года. Дата условна и определена решением правительства Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) совместно с первым профессорским коллективом и руководством (Правлением) университета начать регулярные или «правильные», на

языке того времени, занятия на двух факультетах: медицинском и общественных наук. До Великой Отечественной войны иногда за первоначальную дату при проведении юбилейных торжеств брали или 25 февраля 1919 года (издание в Смоленске первым белорусским правительством Декрета об образовании БГУ), или 11 июля 1921 года (объявление в годовщину освобождения Минска от оккупации польскими войсками о факте готовности БГУ к своему открытию). Однако затем эти события сочли и чересчур декларативными (в первом случае), и заполитизированными (во втором). Практически 80 лет начало деятельности университета является точкой отсчета его юбилейных дат и проведения всех официальных мероприятий.

Долгий путь к белорусскому университету

Вряд ли уместно в настоящей статье ссылаться на многовековую историю феномена университета, как и на когнитивное содержание и прикладное наполнение идеи, смысла, миссии любого университета в ряду иных форм и институций высшего образования. Об этом написано огромное количество убедительных по своему осмыслению и исторической информативности монографий, статей, очерков, иных материалов. Труды философов разных поколений и научных пристрастий (Христиан Вольф, Иммануил Кант, братья Александр и Вильгельм фон Гумбольдты, Джон Генри Ньюмен, Джон Дьюи, Хосе Ортега-и-Гассет, Карл Теодор Ясперс, Василий Розанов, Альфред Норт Уайтхед, Жак Ле Гофф, Ганс-Георг Гадамер, Жак Деррида, Вячеслав Степин и др.) сегодня дают возможность найти смысловые и концептуальные построения, которые отвечают на вопросы изменчивого и быстроразвивающегося мира, сопряжены с нашим опытом работы в университете. Самое важное, как хотелось бы думать, порождение Средневековья, цивилизационный феномен тех столетий, упроченный требованиями Нового и Новейшего времени, не окажется в «руинах» в условиях времени настоящего и в перспективе.

Обращаясь к историческим фактам, свидетельствующим о формировании сначала идеи белорусского университета, а в дальнейшем и о робких попытках ее реализации, следует учитывать политическое своеобразие, свойственное территории и населению, олицетворяющих сегодня суверенную Республику Беларусь. При нахождении в составе Великого княжества Литовского, а с 1569 года – Речи Посполитой некими предтечами «белорусского» университета можно назвать коллегииумы различных католических и униатского монашеских орденов, книгоиздательское дело протестантов, школы православных братств. Условно «белорус-

ской» именуется и учрежденная в 1578 году Стефаном Баторием, королем Речи Посполитой, Виленская иезуитская академия. Немногим более чем через 200 лет (1781) она стала Главной школой Великого княжества Литовского. В условиях трех разделов Речи Посполитой и статус, и название ее приведены к традициям, практике работы высших учебных заведений Российской империи. Так, в апреле 1803 года указом Александра I на основе данной учебной институции был учрежден императорский Виленский университет.

Такие пертурбации сделали еще более призрачными надежды на реализацию идеи «своего, белорусского» университета. Вскоре, после закрытия Виленского университета, в связи с активным участием его студентов и преподавателей в антироссийском восстании 1830–1831 годов, эта идея была на 90 лет похоронена. Университет, в котором обучались более 1 300 студентов, императорским указом от 1 мая 1832 года ликвидировали [Філатава, Яноўская 2016, 84]. До начала XX века на территории белорусских губерний Российской империи не было ни университета, ни иного высшего учебного заведения. На это многократно обращали внимание все, кто после двух революций 1917 года принимал участие в организационных мероприятиях и развертывании деятельности БГУ, в частности его первый ректор В.И. Пичета, ректор предвоенных лет П.П. Савицкий, философ и проректор университета в первой половине 1920-х годов С.З. Каценбоген, белорусские политические деятели Ф.Ф. Турук, В.М. Игнатовский, А.Г. Червяков и др. Автор настоящей статьи не раз обращался к теме обоснования аксиомы о том, что первым высшим учебным заведением Беларуси безальтернативно является Белорусский государственный университет, на источниках и фактах доказывая, что благодаря ему в советской Беларуси удалось создать полноценные системы высшей школы и науки [Яноўскі, Зельскі 2001; Яноўскі 2005; Яновский 2008; Яновский 2009; Яновский 2016; Яновский 2017; Яновский 2018]. Поэтому ссылки на свидетельства и оценки участников его создания и реализации вековой идеи белорусов – аргументация настолько убедительна, насколько и исчерпывающая. В данном случае можно указать на ранее не использованную публикацию, автором которой в военном 1944 году был Владимир Иванович Пичета. В теоретическом и политическом журнале ЦК ВКП(б) «Большевик» он в контексте темы об этапах «воссоединения белорусского народа в едином Белорусском Советском государстве» констатировал: «До Октябрьской революции в Белоруссии не было ни одного высшего учебного заведения. 11 июля 1921 года открыт Государственный университет в Минске» [Пичета 1944, 36]. Далее исто-

рик сообщает о том, что в последующие годы вузы открылись в Минске, Витебске, Могилеве, Гомеле, Орше, Рогачеве.

Представляется, что еще более убедительны слова о первостепенном воздействии БГУ чуть ли не на все области общественной и государственной жизни, экономику республики, культуру и духовность ее населения, звучавшие неким естественным сопровождением всех мероприятий 1920–1930-х годов, проводившихся на самом высоком политическом уровне. Документы тех лет позволяют воссоздать и оценить масштаб этого воздействия. Так, уже во время вручения первых дипломов об окончании БГУ (20 февраля 1925 года) заместитель декана факультета общественных наук, философ профессор С.Я. Вольфсон, ссылаясь на слова выпускников, констатировал, что университет колоссально расширил не только знания питомцев, но и их мировоззрение, теоретический багаж и практические навыки, сориентированные на повседневность работы специалистов. Ректор в своем выступлении подчеркнул первостепенность работы преподавателей, приехавших в Минск из самых разных городов России, и назвал главное предназначение первых специалистов, выпущенных БГУ, – все, что получено в аудиториях, «отдать своему народу... работать в самой гуще его жизни» [Первый выпуск... 1925, 16, 20].

Если эти слова можно расценить как некую декларативность и ожидание реализации в ближайшей перспективе затраченных усилий, дань ранее выстраданной идее белорусского университета, то уже очень скоро в оценках роли БГУ зазвучали конкретные факты и цифры, имена и результаты деятельности подготовленных кадров и всего огромного спектра направлений, которые развивал и продвигал по всей БССР его университет. Например, в речи наркома просвещения республики А.М. Платуна по случаю десятилетия БГУ отмечалось, что университет способствовал созданию 12 белорусских вузов, влиял на работу всех 65 учебных заведений республики (техникумов, рабфаков и др.), дал импульс становлению различных научных учреждений (от Белорусской академии наук до различных специализированных НИИ – Лесного, Болотного, Социалистического земледелия и т.д.). В духе времени нарком определил главное: БГУ – это «мощный оплот пролетарской культуры Советской Беларуси» [Десять лет... 1931, 4, 6, 8]. И совсем концентрированно видится оценка значения десятилетней работы БГУ в приветствии ЦК КП(б)Б: «ЦК учитывает мощную роль Белорусского государственного университета как первой высшей школы и первого научно-исследовательского

центра Советской Беларуси в деле развития белорусской пролетарской культуры»¹.

О том, какие были учебные будни первых двух десятилетий, можно узнать из воспоминаний В.Н. Перцева, одного из российских профессоров, который, приехав создавать БГУ, навсегда остался в нем работать, вырос до одного из самых выдающихся и чтимых белорусских историков, академиков АН БССР (в июне 1945 года, находясь в составе делегации БССР, подписал Устав ООН). Профессор Перцев вспоминал, что многое в университете делалось не благодаря, а вопреки: вопреки бюрократическим установкам учебной части, «педагогическому прожектерству» рубежа 1920–1930-х годов, очень скромному материально-финансовому обеспечению образования и науки и т.п. При этом В.Н. Перцев утверждал: «Университет рос вместе со всей страной и вырос в настоящее время в ведущий центр белорусского высшего образования. Он не только вырастил и воспитал в своих стенах многие тысячи студентов – он дал Белоруссии из среды бывших университетских питомцев десятки талантливых научных работников... Он явился основой, из которой выросли другие вузы Белоруссии»². Накануне Великой Отечественной войны, когда вся БССР собиралась торжественно отметить 20-летие деятельности своего университета, ректор П.П. Савицкий и нарком просвещения Е.И. Уралова в докладной записке в СНК БССР перечислили многое из того, в чем состояла несомненная заслуга БГУ. Они назвали в том числе имена «десятков талантливых ученых», о которых лишь упомянул В.Н. Перцев, параметры научных исследований (более 70 тем), проведенных учеными БГУ³. Новые констатации, в схожих смысловом и фактографическом доказательствах, послужили рефреном статьи БГУ послевоенного периода В.А. Томашевича, опубликованной в центральной белорусской газете к юбилею белорусской государственности [Томашевич 1949].

Вместе с тем нельзя не учитывать тот непреложный факт, что не большевики сформулировали идею белорусского университета. Они ее лишь подхватили и оформили в прагматичные рамки внутреннего содержания и условий материально-финансового обеспечения реализации. Об этом речь пойдет далее в статье. Еще на рубеже XIX–XX веков в ряде городов белорусских губерний Российской империи (Минске, Полоцке, Витебске, Орше и др.) у

¹ Из фондов Музея истории Белорусского государственного университета.

² Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 751. Л. 110.

³ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 751. Л. 9–11.

местной администрации стали крепнуть убеждения о необходимости создать «свой» университет, который бы полностью отвечал требованиям Петербурга и был органичной частью прочих императорских университетов, или хотя бы открыть политехнический институт, православную духовную академию. Известны обращения городских магистратов к министру народного просвещения России и непосредственно к Николаю II с заверениями о том, что университет не станет очагом вольнодумства, а будет проводником российской политики, русского языка и культуры в «крае». Однако император всегда накладывал на прошения «вето», а чиновники аргументировали, что университет будет «на руку полякам и евреям», «создаст в православной церкви сепаратизм» и т.д. [Самусік 1997, 18]. В итоге было получено только разрешение на создание в 1910–1914 годах общеобразовательных, повышенного среднего уровня школ под «звучным» названием «институт» в Витебске, Могилеве и Минске, а также филиала Московского археологического института в Витебске. И количество учащихся в этих учебных заведениях колебалось всего лишь от 30 до 100 человек [Памятная книжка... 1915, 24–27, 89–91, 274–275, 360–361].

В общественных кругах, особенно у рождающейся национально ориентированной белорусской интеллигенции, накануне Первой мировой войны крепла убежденность в том, что именно создание университета в ближайшей перспективе пробудит массы к пониманию своего особого места среди и русских, и поляков, и литовцев, и иных народов Российской империи. Были убеждены и в том, что университет станет не только очагом и «рассадником» знаний, но и его научная и образовательная среда позволит активно влиять на развитие всех сфер хозяйственной, культурной, духовной жизни белорусов и иных народов «края». Проводником этих настроений выступала редакция газеты «Наша Ніва».

Реализация идеи белорусского университета

Революции 1917 года не только создали условия для реализации идеи белорусского университета в его ранее обсуждавшихся классических параметрах. Сначала они внесли революционную сумятицу в головы тех, кто так или иначе оказался причастным к этому делу. Если исходить из реалий первых лет после ниспровержения имперских устоев, в том числе и в области образования, то ни в 1917–1921 годах, ни в период до начала 1930-х годов у советской власти не существовало четкой, концептуально выверенной политики относительно того, какая высшая школа нужна для построения нового общества [Мартиневич 2015, 4]. Неслучайно активно возникали, чтобы вскоре раствориться во времени без

очевидных результатов, разные «народные», «пролетарские», «красноармейские», «коммунистические», иные подобные университеты, которые должны были продемонстрировать отказ большевиков от идей классических университетов буржуазного общества и создания «свободных», «нового типа». Эта волна ниспровержения в некоторой степени прокатилась и по белорусским землям, переживавшим очередной стрессовый период своей истории, выраженный в сложных процессах формирования национальной идентичности, государственности, взаимоотношений с советским политическим центром (Москвой, РСФСР) и новыми советскими республиками. Тем не менее среди данных процессов вопрос создания и сущности первого белорусского университета был одним из существенных.

Следует отдать должное всем, кто стоял у истоков БГУ. При отсутствии высших учебных заведений на белорусских территориях реформировать и подводить новые устои под бывшие императорские университеты и институты не было необходимости. Требовалось с нулевой отметки осмыслить, создать интеллектуальные и материальные условия, реализовать их в практике университетской деятельности. Брать за образцы судорожные попытки радикальной перестройки «старых» университетов считали непозволительным уже потому, что не могли выявить в ней рациональное зерно. Невозможно это было для тех, кто волею судеб и по убеждению оказался в первых рядах теоретиков и практиков белорусского университета. К ним относились в первую очередь опытные педагоги и ученые, представители «старой профессуры». Первые проекты Белорусского университета, как университета национального, университета для белорусов, подготовлены уроженцами «Северо-Западного края» Российской империи: филологом, академиком и бывшим ректором императорского Варшавского университета Е.Ф. Карским и историком, профессором, создателем одного из первых в дореволюционной России частного Коммерческого института М.В. Довнар-Запольским. Так, Евфимий Федорович в своем обстоятельно написанном «Проекте Устава Белорусского Университета» одним из обоснований необходимости и миссии этого университета считал следующее: история «показала, что белорусское население как в общем, так и в отдельных своих лицах способно и к государственной жизни, и к высшей культуре», а молодежь, получая высшее образование у себя на родине, «проникнется любовью к ней», «употребит свои силы» на ее благо. Он был убежден, что университет будет «содействовать умственному, нравственному, эстетическому и хозяйственному возрождению

Белоруссии и с этой стороны он безусловно необходим»⁴. Как и старший по научным регалиям коллега, Митрофан Викторович подробно описал пути создания университета, его учебную, научную, организационную структуру. Он считал неслучайным принять во внимание богатый опыт деятельности Московского и Киевского университетов, а также «снести по всем вопросам с профессорами-белорусами», состоявшимися как ученые в российских университетах⁵.

Можно утверждать, что идеи, предложенные обоими выдающимися учеными в их проектах, каждым в отдельности, определили направления мысли и действий организаторов государственного университета: партийно-советских руководителей провозглашенной в начале 1919 года ССРБ, Минского губернского отдела народного образования. Несмотря на многочисленные дискуссии, политические, материально-финансовые и иные препятствия, параметры университета в Минске изначально определялись в «классическом» формате, когда факультетская структура должна была гармонично сочетать в себе естественно-научные и гуманитарные специальности, когда научной составляющей отводилось первостепенное место, когда права профессора и студента должны были неукоснительно соблюдаться руководителями всех уровней. Следует отметить, что в итоге созданный в 1921 году Белорусский государственный университет развивался в таком аспекте практически на протяжении 1920-х годов. До тех пор, пока у его ректорского «руля» находился В.И. Пичета, а в БССР высшее политическое руководство олицетворяли А.Г. Червяков, Д.Ф. Жилунович, В.М. Игнатовский и др.

Утверждение классических основ БГУ

Мною и коллегами детально в десятках публикаций представлен сложный организационный период, занявший около двух с половиной лет, с февраля 1919 года по сентябрь 1921 года [Малюгин 2016; Белорусский государственный университет... 1961; Белорусский государственный университет... 1971; Ляхоўскі 2012; Каханюўскі 2017; Шумейко 2017; Память и слава... 2019; Ершова 2021]. В это сложнейшее с военно-политической точки зрения время постепенно университетская идея обретала реальные организационные и материальные очертания. Важнейшую роль сыграли две специальные организационные Комиссии (т.н. «Минская» и «Московская») при Минском губернском отделе народного образования и при Наркомате просвещения РСФСР

⁴ НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 19. Л. 86; Ф. 457. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁵ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16.

соответственно. В обеих работали незаурядные ученые, опытные администраторы и политики. В их числе несколько десятков тех, кто последовательно выстроил БГУ, придав ему возможные для того времени классические атрибуты. Решающим событием стал приезд в Минск в конце 1920 года около десяти членов Московской комиссии, что позволило в тесном общении с белорусскими коллегами решить много злободневных проблем. Уже в тот период определена кандидатура на должность ректора – Владимир Иванович Пичета, авторитетный историк, специалист в области и российской, и белорусской истории. Его энергия и стремление во что бы то ни стало сразу направить БГУ по пути классического, научно ориентированного университета практически восемь лет заряжали всех его коллег и белорусское общество в целом.

Свидетельством подобных намерений было организованное в конце 1920 года университетское научное общество историков. Затем, с началом фактической деятельности университета, в 1922 году, регулярные заседания по четырем секциям развернуло научное общество БГУ, а для публикации статей гуманитариев и естественников создали научный сборник «Труды БГУ». В марте этого же года на заседании Совета БГУ принято решение о формировании научной секции работников просвещения при БГУ, в президиум которой вошли профессора: биолог В.В. Лепешкин, философ С.Я. Вольфсон, математик К.М. Годыцкий-Цвирко⁶. Неким феноменом тех первых лет следует признать массовые научные командировки ученых БГУ в европейские университеты, библиотеки, архивы, лаборатории. Республика на это не жалела скудных валютных средств.

Однако важнейшим итогом деятельности служит то, что высшие знания стали доступны студентам через освоение системных и авторских учебных курсов первых абсолютно неординарных профессоров и доцентов, погруженных в научные исследования. С начала университетской истории один за другим создавали научные Институты: физический, химический, биологический и др. Гуманитарии попытались создать особый Институт «белорусской и еврейской культуры», но столкнулись с неприятием данного проекта со стороны ряда чересчур ревностных представителей национальных кругов, считавших БГУ проектом в большей степени русским, нежели белорусским. Между тем именно университет заложил теоретическую основу создания в 1922 году особого Института белорусской культуры (ИБК), а затем наполнил его своими кадрами лингвистов, историков, философов, этнографов, математиков, химиков, психологов и т.д. Так, в списке

⁶ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об., 6.

1927 года (он утвержден на заседании СНК БССР) все 14 названных фамилий – ученые университета⁷. Через пять лет, выступая на VIII съезде Советов БССР, ректор БГУ В.И. Пичета убедительно обосновал необходимость превращения ИБК в полноценную Белорусскую академию наук (БАН). Он заявил, что в университете и ИБК ведется большая и полноценная научная работа, а значит, «в настоящий момент необходимо поставить вопрос об открытии белорусской академии наук»⁸. Большинство ее первых академиков были избраны из рядов университетской профессуры.

В контексте доказательств о «классическом» характере БГУ особого внимания заслуживает факт изначальной и однозначно утвердительной позиции всех без исключения теоретиков и практиков создаваемого БГУ о первичности в его структуре медицинского факультета. Если предложения и Карского, и Довнар-Запольского о создании богословского факультета можно считать не восприятием учеными новых политических парадигм, то намерения иметь в структуре университета особые историко-филологический и физико-математический факультеты полностью отвечали классическому характеру будущего БГУ. Обоснование агрономического факультета исходило из представлений о сугубо сельскохозяйственном облике советской республики. Все эти предложения в 1919–1920 годах оформлены в убедительных обоснованиях. Например, известный российский математик и уроженец Беларуси И.Р. Брайцев даже представил подробный план создания особого математического факультета в записке под характерным названием «Какая высшая школа нужна в настоящее время Белоруссии?». Он же и ответил на поставленный вопрос: «...мы, белорусы, будем иметь свой Университет»⁹. Е.Ф. Карский активно отстаивал свою позицию о необходимости открыть особый филологический факультет. Но отсутствие финансирования не позволило сразу сделать факультетскую структуру БГУ полноценной. С ноября 1921 года регулярные занятия начались только на медицинском факультете и факультете, который отразил поиски опоры в среде формируемых новых интеллектуалов-специалистов, осуществляемые новой властью. Таким стал факультет общественных наук. Однако этот замысел не прошел проверку практикой подобного рода подготовки. В 1922 году ему на смену учредили педагогический факультет с очевидной прагматикой в подготовке и учителей, и идеологов нового строя.

⁷ НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1276. Л. 302–303.

⁸ Газета «Звезда». 1927. 12 апреля. С. 3.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А2306. Оп. 18. Д. 701. Л. 69.

В 1920-е годы в структуре БГУ появились факультеты по подготовке экономистов, правоведов, химиков (с технологическим уклоном), физиков и математиков. Это в полной мере отвечало продолжению выстраивания обучения в БГУ по матрице «классического университета». Однако с каждым годом нарастало идеологическое сопровождение всех сторон его деятельности. Вопрос неукоснительной приверженности и верной трактовки марксистско-ленинской доктрины, точнее, пока только марксизма, быстро становился проверкой на право работы и преподавания в университете. Иные принципы считались второстепенными. Эту позицию, свойственную высшей школе СССР, дополняли в БССР обстоятельства местного характера. В республике и власти, и интеллектуалы пытались найти эффективные методы и средства формирования национальных по форме и социалистических по содержанию устоев новой жизни. Известные «белорусизация» и «коренизация» по-советски внедрялись и в БГУ, и в республике в целом. Конечно, органично войти в эти неоднозначно принимаемые многими процессы было по силам далеко не всем, кто в 1921 году решил связать свою творческую и жизненную карьеру с Минском. С середины 1920-х годов начался отток высококвалифицированных кадров. Некоторые уезжали в никуда, лишь бы не попасть под пресс жестких и изменяющихся требований. В числе уважаемых людей, тех, кто создавал БГУ и вынужден был его покинуть, физик Н.Н. Андреев, химик Б.М. Беркенгейм, философ и социолог С.З. Каценбоген, историки А.А. Савич и Д.А. Жаринов, юрист и государственный деятель М.А. Сегаль, психиатр и невропатолог А.К. Ленц и др. Уезжали за Урал, в Поволжье, в республики Средней Азии. Но некоторые спокойно пережили и 1930-е годы, обосновавшись в Москве и Ленинграде. Уезжали и специалисты, подготовленные в БГУ: философ Б.Э. Быховский, историк И.В. Герчиков, физик Л.А. Арцимович и др. Такой кадровый «исход» дополнило в 1931 году «разукрупнение» БГУ, повлекшее, с одной стороны, превращение его в заштатный педагогический институт, а с другой – создание на основе его факультетов полноценных и остро необходимых республике ряда специализированных вузов, т.е. системы высшей школы.

Нельзя не отметить, что многие из ученых, приехавших для работы в БГУ, сумели весьма прилично освоить и белорусский язык преподавания специальных дисциплин, и язык науки по-белорусски. При изучении в Национальном архиве Республики Беларусь личных дел астронома А.А. Михайловского, математиков Ц.Л. Бурстина и Я.П. Громмера, физика Е.Е. Сиротина, экономиста А.М. Арцимовича, историка Н.М. Никольского, других представителей естественных и гуманитарных наук, удивляет

тот факт, насколько быстро они овладели белорусским языком. Кроме того, плеяда незаурядных российских филологов стали профессорами БГУ. Среди них – И.И. Замотин, Е.И. Боричевский, П.А. Бузук, А.Н. Вознесенский, Н.Н. Дурново и другие авторитетные белорусисты, в частности языковеды и литературоведы, создатели нормативной белорусской лексики, научной терминологии.

Белорусизация, охватившая БГУ на начальном этапе его деятельности, к 1928 году пошла на спад, а вскоре превратилась в один из факторов, которые фактически учитывали при обвинениях в «национал-демократизме» многих сотен белорусских интеллектуалов. В этом контексте приведем ранее неизвестный факт, позволяющий оценить отношение к процессам, которые спонтанно и под руководством Центра разворачивались в национальных республиках. В Национальном архиве Республики Беларусь нами найден документ, в котором подана своего рода дискуссия между своеобразным (и по литературному стилю, и по поведению) белорусским поэтом Павлом (Павлюком) Шукайло и законодателем установок для историков, иных гуманитариев в 1920-е годы М.Н. Покровским. Эта беседа состоялась 29 декабря 1928 года в Коммунистической академии при Центральном исполнительном комитете. Речь шла о белорусизации.

Белорус сказал: «Затем есть такой недостаток. Ведь наши высшие учебные заведения еще недостаточно белорусизированы...». В ответ Покровский пространно рассуждал: «Я знаю у Вас Жаринова (историк Дмитрий Петрович Жаринов был одним из первых профессоров БГУ. – О. А.) и много других научных работников, и они читают лекции на русском языке. Я высказываю только свое сомнение относительно этой стороны дела. Но важен аргумент, что необходимо прежде всего пропитать белорусской культурой тот слой, который является разносителем этой белорусской культуры. Как раз школа II-й ступени, университеты и т.д. Это аргумент очень сильный, независимо от природной национальности тех, кто пользуется этими учебными заведениями. Конечно, раз они собираются жить и работать в Белоруссии, им нужно пропитаться белорусской культурой»¹⁰.

Далее сановный историк привел аргумент-сравнение, который можно считать опровержением предыдущего утверждения: «В заключение приведу маленький анекдот относительно того, насколько у нас возрождение национальной культуры идет быстрее, чем в других странах. У вас уже частично произошла белорусизация, на Украине произошла украинизация, хотя тоже и не совсем. А вот в Норвежском университете в Осло до сих

¹⁰ НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56. Л. 365.

пор читают лекции по-датски, и единственный человек, который читает лекции по-норвежски – это проф. Кут (историк, политик. – О. А.). Это единственный профессор во всем университете. Все остальные говорят по-датски, все газеты в Осло выдаются на датском языке, и нечего говорить, что произведения Ибсена, Бьёрнсона-Бьёрнстjerne также выдаются на датском языке. Если вы видите перевод с норвежского Ибсена, это факт того, что человек переводил с немецкого языка, что он никогда не видел оригинала, а оригинал Ибсена дают в отрывках хрестоматии, как образчик датского произведения. Вот такая там картина. Ибсен там нечто вроде Гоголя. Гоголь – украинец, который писал по-русски, изредка вставляя украинские термины. Вероятно, у Ибсена также норвежские термины встречаются. Но характерно, что господство датчан кончилось 100 лет тому назад и до сих пор там господствует в университете и всюду датский язык, и в университете читаются лекции не на норвежском языке. Эта картина, в сравнении с тем, что происходит у нас, чрезвычайно выразительная. Это показывает, насколько наша культура шла в народные массы. Если бы норвежцы были хозяевами своей культуры, они заставили бы всех профессоров в Осло читать на норвежском языке, но мы видим, что до сих пор все профессора читают по-датски, кроме одного Кута»¹¹.

Если оперировать фактами, то на 1927/28 учебный год в БГУ на белорусском языке преподавали десять профессоров (83 часа), 20 доцентов (181 час), 19 ассистентов (195 часов). На русском же языке 14 профессоров читали 145 часов. В целом на белорусском языке преподавалось 57,8% учебных часов¹². В последующие годы достигнутый уровень неуклонно снижался. Русский язык стал доминирующим и в преподавании, и в науке Белорусского университета.

Заключение

Краткий обзор истории создания Белорусского государственного университета, оценки важнейших его параметров и характеристик позволяет, основываясь на накопленном исследовательском опыте и изученном документальном и теоретическом материале, утверждать, что изначально задуманный университетский проект был ориентирован на восприятие идеи, миссии и практики классических российских и европейских университетов. Вместе с тем он в полной мере должен был отвечать новым политическим и национальным установкам. Поэтому в первую очередь он назван не как «Минский» (хотя это название присутствует в

¹¹ НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56. Л. 367.

¹² НАРБ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 56. Л. 367, 384–385.

документах 1919–1920 годов), а как «Белорусский». Уже в декрете ЦИК ССРБ о его создании, подготовленном и утвержденном вечером 24 февраля и обнародованном на следующее утро, впервые было определено считать образование университета важнейшим общегосударственным делом. По сути, становление первого белорусского государства в его советской форме происходило одновременно со становлением БГУ. В двух обозначениях университета заложены идеи национально-этнической, государственной принадлежности и миссии БГУ. Именно такой данная миссия остается и по настоящее время.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Белорусский государственный университет... 1961 – Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина / ответ. ред. Л.С. Абецдарский. – Минск: Изд-во МВСС и ПО БССР, 1961.

Белорусский государственный университет... 1971 – Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина / ред.-сост. А.И. Кожушков. – Минск: Изд-во БГУ имени В.И. Ленина, 1971.

Дзесяць год... 1931 – Дзесяць год Беларускага дзяржаўнага універсітэту. – Менск, 1931.

Ершова 2021 – *Ершова О.И.* Первый учебник по педагогике в Беларуси // Университетский педагогический журнал. 2021. № 1. С. 31–36.

Каханюўскі 2017 – *Каханюўскі А.Г.* Універсітэты Расійскай імперыі як асяродак станаўлення беларускай інтэлігенцыі ў XIX – пачатку XX ст. // Традиции университета: от Франциска Скорины до современности: сб. материалов Международной науч. конф., Минск, 26–27 октября 2017 г. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. С. 101–104.

Ляхоўскі 2012 – *Ляхоўскі У.В.* Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.). – Вільня: Інстытут Беларусістыкі, 2012.

Малюгин 2016 – *Малюгин О.И.* Первые годы деятельности БГУ в воспоминаниях академика В.Н. Перцева // Веснік БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2016. № 2. С. 17–25.

Мартинович 2015 – *Мартинович Д.А.* Становление советской высшей школы (1917 г. – середина 1930-х гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – Минск: БГУ, 2015. С. 4.

Памятная книжка... 1915 – Памятная книжка Виленского учебного округа за 1915 год. – Вильна: Тип. А. Сыркина, 1915.

Память и слава... 2019 – Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения / сост. А.Н. Максимчик. – Минск: БГУ, 2019. С. 9–24.

Первый выпуск... 1925 – Первый выпуск Белорусского государственного университета, 20 февраля 1925. – Витебск: БГУ, 1925.

Пичета 1944 – *Пичета В.И.* Воссоединения белорусского народа в едином Белорусском Советском государстве // Большевик. 1944. № 12. С. 30–38.

Самусік 1997 – *Самусік А.Ф.* Праекты арганізацыі вышэйшых наву-
чальных устаноў на беларускіх землях у другой палове XIX стагоддзя // *Адукацыя і выхаванне*. 1997. № 4. С. 17–25.

Томашевич 1949 – *Томашевич В.А.* Белорусский Государственный
университет к 30-летию БССР // *Савецкая Беларусь*. 1949. 26 снежня.
№ 255.

Філатава, Яноўская 2016 – *Філатава А.М., Яноўская В.В.* духоўна-
культурнае жыццё грамадства // *Вялікі гістарычны атлас Беларусі ў*
4-х т. Т. 3. – Мінск: Белкартаграфія, 2016. С. 84–85.

Шумейко 2017 – *Шумейко М.Ф.* Белорусский государственный уни-
верситет в деле формирования экологии культуры в стране // *Беларускі*
археаграфічны штогоднік. Вып. 18. – Мінск. 2017. С. 128–135.

Яноўскі 2005 – *Яноўскі А.А.* На шляху да Беларускага ўніверсітэта:
грамадскія імкненні і палітычныя перашкоды // *Polska – Europa – Świat*
XX wieku. – Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2005.
С. 508–522.

Яновский 2008 – *Яновский О.А.* Адаптация интеллигенции к услови-
ям «построения социализма» в Беларуси (1920–1930-е годы) // *Acta his-*
torika neosoliensia. Odborný časopis Katedry histórie Fakulty humanitných
vied Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici. 2008. № 11. S. 273–277.

Яновский 2016 – *Яновский О.А.* Этапы развития белорусско-
российского сотрудничества в сферах образования и науки (1918–2015
годы) // *Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем:*
сб. науч. работ. Вып. 1. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2016. С. 25–46.

Яновский 2017 – *Яновский О.А.* Владимир Иванович Пичета. Исто-
рик, определивший будущее БГУ // *Интеллектуальная элита Бела-*
руси. Основоположники белорусской науки и высшего образования
(1919–1941) / под общ. ред. С.В. Абламейко, науч. ред. О.А. Яновский. –
Минск: БГУ, 2017. С. 23–41.

Яновский 2018 – *Яновский О.А.* Как шли белорусы к своему уни-
верситету // *Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный*
журнал социально-гуманитарных наук. 2018. № 3. С. 46–65.

Яноўскі, Зельскі 2001 – *Яноўскі А.А., Зельскі А.Г.* Гісторыя Бела-
рускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў. – Мінск:
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2001.

REFERENCES

Abetsedarsky L.S. (Ed.) (1961) *V.I. Lenin Belarusian State University*.
Minsk: Ministry of Higher Education of BSSR (in Russian).

Filatova A.M. & Yanovskaya V.V. (2016) Spiritual and Cultural Life of
Society. In: Kuznetsov G.I., Adamushka V.I., Kovalenya A.A., & Nasevich V.L.
(Eds.) *The Great Historical Atlas of Belarus in 4 Vols.* (Vol. 3,
pp. 84–85). Minsk: Belkartografiya (in Belarusian).

Kohanovsky A.G. (2017) Universities of the Russian Empire as the Core
of the Formation of the Belarusian Intelligentsia in the 19th – Early 20th
Centuries. In: Khodin S.N. & Kohanovsky A.G. (Eds.) *Traditions of the*
University: From Francysk Skaryna to the Present (pp. 101–104). Minsk:
BSU (in Russian).

Kozhushkov A.I. (Ed.) (1971) *V.I. Lenin Belarusian State University*. Minsk: BSU (in Russian).

Lyakhovsky V.V. (Ed.) (2012) *From Homonites to Gaisaks. The activity of Belarusian Youth Organizations in the 2nd Half of the 19th Century – the 1st Half of the 20th Century (before 1939)*. Vilnius: Institute of Belarusian Studies (in Belarusian).

Maksimchik A.N. (2019) *Memory and Glory: Solomon Zakharovich Katsenbogen. On the 130th Anniversary of His Birth*. Minsk: BSU (in Russian).

Malyugin O.I. (2016) First Years of BSU in the Memoirs of Academician V. Pertsev. *Bulletin of Belarusian State University. Series 3: History. Philosophy. Psychology. Political Sciences. Economics. Law*. No. 2, pp. 17–25 (in Russian).

Martinovich D.A. (2015) *The Formation of the Soviet Higher School (1917 – mid-1930s)* (dissertation). Minsk: BSU (in Russian).

Picheta V.I. (1944) The Reunification of the Belarusian People in a Single Belarusian Soviet State. *Bolshevik*. No. 12, pp. 30–38 (in Russian).

Samusik A.F. (1997) Projects of the Organization of Higher Educational Institutions in the Belarusian Lands in the Second Half of the 19th Century. *Adukatsiya i vykhavanne*. No. 4, pp. 17–25 (in Belarusian).

Shumeyko M.F. (2017) Belarusian State University in the Formation of the Ecology of Culture in the Country. In: Savitsky E.M. (Ed.) *Belarusian Archeographic Yearbook* (Issue 18, pp. 128–135). Minsk (in Russian).

Tomashevich V.A. (1949) Belarusian State University to the 30th Anniversary of the BSSR. *Savetskaya Belarus*. 26 snezhnya. No. 255 (in Russian).

Yanovsky A.A. (2005) On the Path to Belarusian State University: Public Perceptions and Obstacles. In: Waclaw Wierzbieniec (Ed.) *Poland – Europe – the world of the 20th century* (pp. 508–522). Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego (in Belarusian).

Yanovsky O.A. (2008) Adaptation of the Intelligentsia to the Conditions of “Building Socialism” in Belarus (1920s–1930s). *Acta historica neosolensis. Odborný časopisov katedry istorii fakulty humanitných vied univerzity Mateja Bela v Banská Bystrica*. No. 11, pp. 273–277 (in Russian).

Yanovsky O.A. (2016) Stages of Development of Belarusian-Russian Cooperation in the Fields of Education and Science (1918–2015). In: E.V. Kodin (Ed.) *Russia and Belarus: History and Culture in the Past and Present* (Issue 1, pp. 25–46). Smolensk: Smolensk State University Press (in Russian).

Yanovsky O.A. (2017) Vladimir Ivanovich Picheta. The Historian Who Determined the Future of BSU. In: S.V. Ablameyko, O.A. Yanovsky (Eds.) *The Intellectual Elite of Belarus. The Founders of Belarusian Science and Higher Education (1919–1941)* (pp. 23–41). Minsk: BSU (in Russian).

Yanovsky O.A. (2018) How Did the Belarusians Go to Their University. *The Intelligentsia and the World: Russian Interdisciplinary Journal of Social and Humanitarian Sciences*. No. 3, pp. 46–65 (in Russian).

Yershova O.I. (2021) The First Textbook on Pedagogy in Belarus. *Universitetskiy pedagogicheskiy zhurnal*. No. 1, pp. 31–36 (in Russian).

Yanovsky A.A. & Zelsky A.G. (2001) *The History of the Belarusian State University in the Biographies of Its Rectors*. Minsk: BSU (in Belarusian).